

Галина Полынская

ДОМ ДРЕВНЕГО
МОЛЛЮСКА

12+

Галина Полынская
Дом древнего моллюска
Серия «Фантастические приключения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62972532

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99838-4

Аннотация

Лучшему пилоту транспортной компании Гейсу поручают ответственное дело: на лучшем корабле перевезти с планеты на планету важных пассажиров – двух священников. Гейс пробует отказаться от рейса, у него принципы – никогда не летать со священниками, от них одни неприятности, особенно в космосе. Но под давлением начальства Гейсу приходится выйти в рейс. И буквально сразу начинают сбываться худшие опасения. Все в этом рейсе идет не по плану, а вскоре и вовсе разворачивается цепь событий, способных навсегда изменить жизнь всех присутствующих на борту лайнера «Антаргон».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	37
Глава пятая	44
Глава шестая	53
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Галина Полынская

Дом древнего моллюска

Никогда так не было, чтоб никак не было.

Всегда так было, чтобы как-нибудь да было!

(Я.Гашек)

Глава первая

Проснувшись, Гейс еще долго лежал с закрытыми глазами и слушал порядком надоевшее бормотание дождя. Что поделать, но последний четвертый весенний месяц эта маленькая скучная планета неизменно целиком отдавала непрерывному монотонному ливню. Отбросив одеяло, парень потянулся, зевнул, поглядел в залитое водой окно и поморщился – в комнате стояла влажная духота. Идти на работу жуть как не хотелось, перспектива залезть обратно под одеяло, накрыться с головой и проспять до лета, выглядела гораздо привлекательнее. Но быстро меняющиеся цифры синего таймера бесстрастно указывали на то, что если он сейчас же не вылезет из кровати, не оденется и не поплетется на работу, на его место мигом найдутся желающие.

На такой мелкой, но густонаселенной планете, как Антиса, всякий, кто умудрялся заполучить более-менее приличную постоянную работу, дорожил своим местом, в глубине сердца лелея надежду когда-нибудь вырваться из этого тесного мирка с ничтожными жизненными перспективами. И Гейс не являлся исключением, его тоже манили судьбоносные, ярчайшие маяки далеких больших планет. Их туманные моря и континенты, величественно плывущие в бездонных глубинах космоса, сначала снились Гейсу по ночам, а в

последнее время стали мерещиться и наяву, настолько сильно надоела ему однообразная жизнь на Антисе. Но пока что не представлялось возможным улететь к далеким туманным континентам, необходимо было накопить на свой собственный кораблик. Если же выезжать на общепассажирских кораблях, то цена билета плюс необходимо-обязательная сумма на адаптационные сроки равнялись стоимости небольшого поддержанного корабля. Таким образом, захоластные планеты вроде Антисы препятствовали утечке народных масс к манящим маякам больших миров, а прекрасные большие миры этим же методом снижали количество желающих испортить своим присутствием их заповедные континенты.

На завтрак времени не оставалось. Гейс сполоснул лицо и посмотрел на себя в зеркало над умывальником. Серебристое напыление на металлической поверхности отразило симпатичное лицо молодого человека: высокий чистый лоб, ровный нос, четко очерченные губы, упрямый подбородок, светло-серые глаза и взъерошенные кудри цвета дикого ореха. Кое-как пригладив пальцами волосы, Гейс пошел одеваться. Он влез в мешковатый непромокаемый комбинезон, зевая, застегнул многочисленные крепления, поверх натянул прозрачную, опять же непромокаемую куртку с капюшоном, на ноги – ботинки на толстенной протекторной подошве, перчатки на руки. Можно было идти трудиться. Он подошел к входной двери, и она, трясаясь от старости, стала подниматься вверх.

– Хорошего дня-я-я-я! – хрипло, вразнобой затанули автоматические системы охраны этого уже еле дышащего сооружения, служившего Гейсу домом. – Возвращайся поскорее-е-е-е...

– Пока-а-а, пока-а-а! – привычно, в тон ответил Гейс, набрасывая на голову капюшон.

Стоило ему шагнуть за порог, как дверь за спиной рухнула вниз с оглушающим металлическим лязгом, на который Гейс и не обратил внимания – давно уж притерпелся.

Родился и вырос Гейс на парной, зависимой от Антисы, планете Шерувеме – местечке, с горизонтов которой Антиса выглядела глобальным космическим телом. Перебраться с Шерувемы на Антису оказалось парой пустяков для такого отличного пилота, как Гейс, а вот дальше... все пустяки быстро закончились. Антиса крепко держала свою рабочую силу, выплачивая ей ровно столько, чтобы хватало на оплату малоприличного дома и средневкусной еды, оставляя все остальные перспективы сиять радужными огнями в своих прозрачных небесах.

Громко чавкая протекторными подошвами по густой рыжей грязи, Гейс брел к едва виднеющемуся в ливневой стене приземистому округлому зданию жутковатого мертвецки-голубого цвета. Эта окраска, в понимании хозяина здания, должна была навевать клиентам мысли о нежных небесных сферах. Хмуро поглядев на чересчур большую для успешного предприятия вывеску на здании: «Вельсевера»

Грузопажирские космоперевозки! Без исключения для всех!», Гейс приподнял прозрачный капюшон куртки, чтобы плюнуть в грязь.

Над входом для персонала висел здоровенный таймер, его цифры показывали, что Гейс почти не опоздал.

Он очистил ботинки, переступил через порог, переобулся, свернул в узкий отсек, где сменил свой комбинезон на форменный голубой, надел на голову маленькую черную шапочку и поспешил за удаляющимися спинами остальных пилотов.

Как обычно собрались в тестовом зале, где проводился обязательный анализ на наличие в крови запрещенных веществ, и только после этого пилоты допускались к полетам. Зевая и наступая друг другу на ноги, они выстроились в шеренгу напротив металлических анализаторов. Шкафообразные аппараты, как и, впрочем, всё оборудование «Вельсеверы», были старыми и порядком изношенными, поэтому процедура анализа доставляла мало удовольствия. Требовалось взяться за ручки-скобы, опустить голову в мутную, неизменно воняющую кислятиной пластичную полусферу, и на выдохе получить весьма ощутимый укол в шею. По завершению анализа, пилоты прошли в сообщающееся помещение – зал ожидания. Расселись по десять человек за стол, и Гейс, устроившись поудобнее, сразу заснул. Из-за непрерывного монотонного дождя, чей шум продолжал звучать в ушах даже в звуконепроницаемом помещении, постоянно хотелось

спать, бодрствовать приходилось через силу. Достаточно было оказаться в тепле, куда-нибудь присесть, к чему-нибудь прислониться, как силы моментально покидали.

Проснулся Гейс оттого, что кто-то тряс его за плечо.

– Чего надо? – парень нехотя разлепил ресницы и увидел пилота Форуса.

– Тебя вызывают, не слышишь, что ли?

– Не слышу, я сплю.

– Так проснись и послушай!

Гейс зевнул, тряхнул головой, разгоняя тяжелую сонливость, и услышал раскатисто несущийся из динамиков голос второго помощника владельца «Вельсеверы» Курши:

– Пилот Гейс, немедленно подойди к почитаемому Эри-Риве! Почитаемый Эри-Рива ждет тебя!

– И зачем это я хозяину понадобился? – пробормотал Гейс, нехотя вылезая из-за стола.

Остальные пилоты проводили его сочувствующими взглядами. Когда сам почитаемый Эри-Рива вызывает к себе какого-то малоуважаемого пилота, ничего хорошего ждать не приходится

Почитаемый Эри-Рива единолично занимал огромное, чуть уступающее размерами тестовому залу помещение. Грязно-синего цвета, с прозрачными куполообразными потолками, сквозь которые хозяин наблюдал за взлетом и посадкой кораблей, кабинет Эри-Ривы производил впечатление мусорной свалки из-за обилия всевозможных нужных и

ненужных вещей. Эри-Рива не только здесь самоотверженно трудился, но и жил, так как из семьи его давным-давно выгнали.

Гейс переступил порог, притворил за собой дверь и приготовился к каким-нибудь неприятностям. Из-за чудовищной сонливости он, как ни силился, так ничего плохого о себе и о своих поступках вспомнить не мог.

Эри-Рива монументально восседал за необычным длинным узким столом. Гейс мог поспорить с кем угодно на что угодно – этот стол являлся ничем иным, как переделанной транспортерной лентой. Глядя на грузного хозяина за этим странным столом, Гейс невольно ожидал, что вот сейчас квадратная фигура, затянута в плотную сиреневую ткань, тронется с места и медленно поедет, не меняя позы.

– Иди-ка сюда, – Эри-Рива поманил Гейса четырехпалой рукой в блестящей черной перчатке. – Ближе! Еще ближе! Сюда, ко мне – подойти можешь или ноги отнялись?

Грустя и спотыкаясь, Гейс подошел к «транспортеру», встал напротив хозяина и впервые получил возможность рассмотреть свое начальство вблизи. Издалека Эри-Рива казался более человекообразным... Желтоватая, чересчур тонкая, вся покрытая мельчайшими морщинками кожа, четыре подбородка, наплывающие над глухим жестким воротом, прижатые к лысому черепу заостренные уши и круглые маленькие глазки розоватого цвета. Раздраженно, почти зло эти розовые глазки уставились на Гейса. От такого взгляда,

хочешь не хочешь – проснешься. Придирчиво осмотрев пилота с ног до головы, Эри-Рива произнес следующее:

– У нас появились ценные клиенты, хорошо платят. Желают лететь через нашу компанию на Генферу, двигаются транзитом через Антису. Ты их повезешь.

Гейс слегка растерялся. Он не мог припомнить, когда это Сам Хозяин вызывал пилота лишь для того, чтобы сообщить о клиентах. Значит, они и в самом деле важные персоны и везти их доверяют именно ему, Гейсу... Проникнувшись ощущением собственной избранности, он решил задать пару вопросов. И самый первый вопрос сразу же оказался неудачным:

– А почему они решили лететь через нашу компанию?

Розовые глазки стали красными, и Эри-Рива заорал, впадая в моментальное бешенство:

– Да потому что мы лучшие на этой пустоголовой планетке! Мы лучшие! А все остальные худшие! Они все-все-все хуже нас! Тебе это понятно?! Понятно это те-бе?!

– Да, да, конечно, – пробормотал Гейс, отступая назад, – очень неумно с моей стороны было...

– Куда пошел?! Стоять на месте, когда я с тобой разговариваю!

Гейс послушно вернулся на исходную позицию.

– Возьмешь лучший наш корабль, – спокойно сказал Эри-Рива. Он так же быстро утихал, как и воспламенялся.

«Неужто мне доверят «Антаргон»?» – с замиранием ду-

ши и тела подумал Гейс.

– Возьмешь «Антаракон», – подтвердил смелое предположение хозяин. – Если по возвращению обнаружится хоть одна крошечная царапина на обшивке, пульте управления, на полу или на стенах, если пятнышко постороннее где-нибудь замечу, ты будешь работать здесь бесплатно всю оставшуюся жизнь. Информация дошла до адресата?

Гейс согласно кивнул. Полет на «Антараконе» того стоил. Но радость радостью, а узнать, что за пассажиры желают посетить Генферу, да еще и готовы оплатить частное путешествие на роскошном корабле, не мешало бы.

– Можно узнать, кого я повезу?

Эри-Рива извлек из кучи разнообразных предметов, теснившихся на столе металлический стакан-банку, промолил горло и вполне спокойно ответил:

– Это священники с Оксента. В количестве двух штук.

– Священники? – опешил Гейс. – Мне нужно возить священников на Генферу?

– Именно. Они следуют туда с каким-то визитом, все транспортные расходы взяла на себя Генфера. Видать, святоши важные, генферцы не поскупились. Надо, чтобы им всё понравилось, глядишь, будут летать через нас всей своей братией. Стартуешь сегодня.

Гейс глубоко вдохнул и произнес на выдохе скороговоркой:

– Боюсь, я не могу лететь, не решусь взять на себя та-

кую ответственность. У меня хроническая сонная болезнь, я усну прямо за пультом, и все священники погибнут. Возьмите лучше Бааска, он высококлассный пилот, он бодр, не сонлив, с ним они точно доберутся куда надо.

От подобной неслыханной наглости Эри-Рива ненадолго потерял дар речи. В молчании он снова покопался в залежах на столе, потом зачем-то полез под стол. Гейс и не сомневался, что сейчас хозяин извлечет лучник и пристрелит его на месте. Но вместо ожидаемого оружия Эри-Рива вытащил порядком истрепавшуюся небольшую коробку и швырнул ее Гейсу. На крышке желтела надпись «Бодрилокс – непревзойденное средство для бодрости!»

– Приятного аппетита, – сквозь зубы процедил Эри-Рива. – Не ешь в сутки больше трех кусков, а то так взбодришься, что никогда не успокоишься!

– Но почему именно я? – Гейс решил идти напролом, заработать на свою голову скандал, быть может, даже увольнение, но только избавиться от этого рейса.

– Потому что ты! – прорычал Эри-Рива, снова начиная закипать. – Я так решил! И кто ты такой выискался, чтобы обсуждать со мной мои решения?!

– Я священников не повезу! – отрезал Гейс и зажмурился, готовясь к неминуемой расплате. – Ни за что не повезу! Кого угодно, только не священников!

Должно быть, настолько сильно Эри-Рива удивился впервые в жизни. От постигшего его изумления он не стал кри-

чать и бесноваться, а спокойно, даже заинтересованно произнес:

– Почему, собственно? Ты не любишь священников? Или боишься их?

Гейс тяжело вздохнул и опустил голову.

– Так в чем дело? Что за истерика на тему тихих, мирных священников? Я хочу знать причину, по которой я должен менять установленного пилота.

Гейс упорно молчал, тиская в руках коробку «Бодрилокса».

– Ну-у-у-у?! – заорал Эри-Рива.

– Там, где священники, всегда жди неприятностей, – то-ропливо ответил Гейс. – Это закономерность! Соваться вместе с ними в космос – самоубийство лично для меня! Три раза возил священников и три раза чуть не перекинулся вместе с кораблем! К тому же у меня с этой братией личностный дисконтакт, пусть летят с кем угодно, только не со мной! Я не летаю со священниками, это мой принцип! Я закончил, можете меня увольнять.

Эри-Рива пожевал губами, задумчиво глядя на своего лучшего пилота, поискал что-то на столе и извлек плотный лист бумаги.

– Знаешь, что это такое? – он поднял лист, чтобы Гейсу было лучше видно. – Это департационный лист с Антисы на Шерувему. Хочешь сегодня же вернуться на родину без права покидать ее в ближайшие сто галактических лет, потеряв

разрешение на работу с кораблями? Мне почему-то кажется, что не хочешь. Или хочешь? Так хочешь или не хочешь? Скорее отвечай, а то я в смятении от такой дилеммы!!! – Эри-Рива грохнул кулаком по столу, отчего тоненько задрезжал какой-то металлический хлам.

– Не хочу... – едва слышно ответил Гейс, не поднимая головы.

– Что-что? Я не расслышал!

– Не хочу!

– Ну вот, я так и знал, ты принял поразительно мудрое решение. Надо полагать, священников ты повезешь?

– Повезу.

– И они тебя больше не пугают?

– Нет.

– И ты сейчас же возьмешь все свои драгоценные принципы, прижмешь их покрепче к сердцу, чтобы не растерять по дороге, и пойдешь знакомиться со священниками?

Гейс кивнул с убитым видом.

– Великолепно, юноша, всегда знал, что мы тут все как одна семья и понимаем друг друга с полуслова. Твои подопечные сидят в ожидальнике. Заботься о них трепетно и нежно, ни в чем не отказывай, упреждай каждое желание, захотят поболтать, выслушай с благоговением парочку душеспасительных бесед, от тебя не убудет.

И, заметив, какое выражение появилось на лице пилота, добавил:

– И выслушаешь внимательно, что бы они ни болтали! И еще попросишь! И только посмей опозорить нашу компанию! Я тебя собственноручно сожру! – Эри-Рива подумал и добавил: – С отвращением, правда, но сожру. Информация не ошиблась адресатом, дошла по назначению?

Гейс кивнул.

– Тогда бегом побежал в ожидальник!

Парень сорвался с места и бросился к двери.

– Принципы свои не растеряй, братамухра несчастная! – напутствовало вслед красноглазое начальство.

Глава вторая

Важных пассажиров в ожидальнике как мог, так и развлекал второй помощник Эри-Ривы – Курша. Так как практически все его истории начинались с фразы «а вот мы как-то с одной красоткой...», то ему пришлось изрядно попотеть, чтобы придумать что-нибудь занимательное для священников.

– Погода у нас, знаете ли... – выдавливал Курша капля по капле. – Неприятная нынче погода заделалась. И такая вот дрянь происходит, представьте себе, от самого что ни на есть зарождения этой тухлой планетёнки, чтоб она от кислородного голодания пересвистнулась.

И замолчал, напряженно размышляя, не сказал ли чего-нибудь ненужного. Молчали и священники, переваривая полученную информацию.

– А еще у нас ветра бывают... – мучился Курша. Он поднял глаза к потолку и увидел паутину сильно заметных трещин. Курша тут же забыл обо всех ветрах, о которых собирался поведать, и на его шее угрожающе вздулись вены. Эти проклятые трещины он приказывал заделать еще до дождей и ему давно доложили, что все заделано в лучшем виде.

Раздался звук поднимающейся двери и на пороге возник пилот Гейс. Курша обрадовался ему, как родному.

– О! – воскликнул Курша, резво вскакивая с пластикового стула. – А вот и ваш пилот! Прошу знакомиться, его зовут Гейс, ему нет равных в нашей компании, хотя у нас все пилоты высочайшего класса, в этом вы сомнений не имейте, но Гейс лучший из лучших! Гейс, знакомься, наши многоуважаемые пассажиры... – Курша украдкой вынул из кармана бумажный огрызок и прочитал украдкой: – Сиятельный отец Мантий-Мукаделис и досточтимый брат Эхатештамп. Теперь я вас оставляю, пора бежать, готовить к старту корабль. Подготовка к старту – это очень, очень важно!

И Курша поспешил к выходу из ожидальника, по пути сунув в руку Гейсу бумажку с именами пассажиров.

– У нас все корабли самые лучшие, но мы дадим вам лучший из лучших!.. – донеслось уже из коридора. И Гейс остался наедине со священниками.

Сиятельный отец Мантий-Мукаделис оказался невысоким, коренастым, весьма преклонного возраста мужчиной в широких синих брюках, свободной голубой рубашке почти до колен и подобии белой накидки-безрукавки. Длинная седая борода отца делилась на три части, каждую из которых по всей длине скрепляли многочисленные серебристые кольца; волосы, собранные на затылке в хвост, доходили почти до пояса, хвост также по всей длине перехватывали кольца. Загорелое лицо Мантий-Мукаделиса с нехарактерным для священника твердо вырезанным подбородком, испещряли тонкие морщинки, из-под густых белых бровей по-молодому си-

или голубые глаза.

Досточтимый брат Эхатештамп выглядел не настолько примечательно: довольно молодой мужчина ростом чуть повыше Гейса, среднего телосложения, с коротко стриженными черными волосами. Черты его бледного лица были острыми, как у какого-нибудь степного грызуна, черные глаза глубоко посажены, а уши так прижаты к черепу, что казалось, они и вовсе отсутствуют. На нем была темная одежда свободного кроя – штаны и рубашка, застегнутая под самое горло.

Гейс сглотнул застрявший в горле ком и растянул губы в приветливой улыбке. Ужас, постигший его, не поддавался описанию. Это действительно были самые что ни на есть настоящие священники, а он-то уж успел понадеяться, что Эри-Рива или перепутал, или преувеличил...

– Доброго дня, Гейс, – с мягкой улыбкой произнес старик, слегка кланяясь, – да ниспошлет Великий Вселенский Разум тебе здоровья и благоденствия.

«Начинается...», – подумал Гейс, а вслух произнес:

– Рад приветствовать, надеюсь, путешествие вам понравится. Сейчас мы пройдем на посадочную площадку... – он не удержался и тяжело вздохнул: – И, как говорится, полетим.

Мантий-Мукаделис согласно закивал, а брат Эхатештамп всё смотрел куда-то в пространство и особого интереса к происходящему не проявлял.

С тяжелым сердцем Гейс вышел из ожидальника и повел своих пассажиров к стартовой площадке «Антаракона», чувствуя себя немного глуповато с этой мятой желтой коробкой «Бодрилокса» в руках. Свои вещи – две небольших черных сумки священники предпочли нести сами, отказавшись от механических носильщиков.

«Антаракон» – краса и гордость «Вельсеверы», занимал не только отдельную взлетно-посадочную площадку, но имел так же троих персональных техников, в чьи обязанности входило неусыпное бдение за звездным лайнером: профилактический осмотр да внутренняя уборка до блеска.

Подойдя к «Антаракону», Гейс так разволновался, что даже забыл о постигшем его горе в лице священников. Корабль темно-синего цвета, с четырьмя плоскими острыми крыльями, с панорамным обзорным иллюминатором, сверкающий и мощный посланец бездонных космических глубин, был пределом мечтаний всех пилотов «Вельсеверы». Всё ещё не веря собственному счастью, Гейс замер у центрального входного шлюза, коснулся ладонью прохладной обшивки...

– Великолепный лайнер, – раздался за плечом Гейса голос Мантий-Мукаделиса. – Необыкновенно величественный.

– А? – обернулся Гейс. – Не расслышал, что вы сказали.

– Ничего особенного, – глаза старика понимающе улыбались.

Запрокинув голову, брат Эхатештамп молча рассматривал корабль. Похоже, «Антаракон» его тоже не оставил рав-

нодушным.

Гейс набрал на шлюзовой панели восьмизначный код, и с тихим гудением панель разделилась на четыре части, открывая вход. Навстречу Гейсу полился прозрачный белоснежный свет, и бесполоый голос приятного тембра произнес:

– Межпланетный лайнер дальнего следования «Антаргон» приветствует вас на своем борту. Вам гарантированы комфорт, покой и безопасность.

Пассажиры вошли следом за Гейсом, шлюз стал закрываться, а голос тем временем продолжал:

– Помимо простого и эффективного центра управления, я оснащен всем необходимым для того, чтобы сделать ваше путешествие максимально приятным и разнообразным. На борту вас ожидает библиотека лучших произведений ста двадцати планет, отсек личных иллюзий, где вы сможете создать любую желательную для вас атмосферу и интерьер. Помимо пищевого центра, имеется зона отдыха, где вы найдете широчайший выбор напитков, а мои каюты оборудованы в соответствии с самыми взыскательными требованиями. Межпланетный лайнер дальнего следования «Антаргон» желает вам прекрасного, быстрого пути.

Голос смолк. Пилот с пассажирами стояли в просторном холле, больше похожим на гостиничный – на пол и стены был нанесен ненавязчивый тонкий рисунок, и словно в воздухе, парили пять серебристых лестниц с обозначениями направлений.

– Вас проводить? – Гейс шагнул к лестнице, ведущей на этаж пассажирских кают.

– Нет, нет, не стоит, – снова улыбнулся Мантий-Мукаделис, поудобнее перехватывая ручку сумки. – Я неоднократно летал на подобных судах, мы разберемся самостоятельно, не беспокойтесь. Идем, брат.

Священники ступили на серебристую ступень, и лестница плавно понесла пассажиров наверх. Как только священники скрылись из вида, Гейс выдохнул с большим душевным облегчением и направился к лестнице, ведущей в центр управления.

Строение кораблей такого класса, как «Антарагон», Гейс знал наизусть и мог бы двигаться с закрытыми глазами, но на практике, да еще и самостоятельно такой лайнер пилотировать не доводилось. Лестница несла ввысь, по мере подъема вспыхивало освещение, и вскоре Гейс ступил в идеально круглое бледно-голубое помещение центра управления, где огнями межзвездных далей уже сиял пульт с многочисленными экранами, на которых вовсю шли самозапускающиеся программы, тестирующие лайнер на готовность к полету. Гейс присел в кресло пилота, погладил ладонью пульт и, счастливо улыбаясь, вставил в ухо крошечную капсулу внутренней связи.

По завершению тестов на центральном экране появилось сообщение о готовности корабля к полету. Гейс включил базовые системы старта, и снаружи «Антарагон» вспыхнул

бортовыми огнями. Спустя пару минут возникла едва ощутимая вибрация, которую давали разогревающиеся батареи десяти вспомогательных двигателей, должных вывести корабль на орбиту прежде, чем подключатся восемь основных. Четыре плавных толчка обозначили разворот крыльев из верхнего вертикального положения в нижнее и горизонтальное... Не глядя в иллюминатор, Гейс будто бы ясно видел, как два крыла опускаются вниз, а два уходят в горизонтальную плоскость. Раздалось утробное, глубинное гудение, что означало полный разогрев батарей. Гейс выставил курс и дал команду старта, отчего мгновенно ожила шкала набора высоты.

Вскоре «Антарагон» успешно стартовал с взлетно-посадочной площадки космодрома «Вельсеверы» планеты Анти-са.

Глава третья

Восторг от управления такой грандиозной, безупречно послушной красотой, как «Антаракон», настолько захватил Гейса, что он напрочь забыл о пассажирах. Судно миновало орбиту и, как в ночные воды Океана, полные смутных огней никогда не спящих глубоководных рыб, нырнул в Космос.

– Да, корабль прекрасный, ничего не скажешь.

Гейс вздрогнул от неожиданности и обернулся. Прямо за его спиной стоял брат Эхатештамп.

– Прекрасный корабль, – повторил он, разглядывая пульт управления. – Вы, должно быть, хорошо разбираетесь в кораблях?

Тряхнув головой, Гейс откашлялся. Он мог поклясться, что по покрытию пола центра управления невозможно пройти бесшумно, звуковой акцент на шуме шагов предусматривался как одна из мер безопасности пилота. Однако прямо за спинкой его кресла стоял абсолютно бесшумно подошедший брат Эхатештамп.

– Конечно, я хорошо разбираюсь в кораблях, – кивнул Гейс. Ему неловко было сидеть перед стоящим братом, но встать он не мог, требовалось следить за приборами.

Брат Эхатештамп, смутно напоминающий какое-то сумеречное животное со своими плотно прижатыми к черепу

ушами, вскользь осматривал интерьер центра управления, глаза его казались туго налитыми изнутри чем-то черным и упругим.

– Корабли такого класса, как правило, бывают полувоенными, да?

– А почему интересуетесь? – Гейс немного удивился, но вспомнил наставления Эри-Ривы, и решил ни в чем священникам не отказывать. Раз уж захотелось брату послушать про корабли, отчего же не уважить.

– Присаживайтесь, – Гейс вежливо указал на вспомогательное кресло помощника пилота рядом. – Если интересно, расскажу о кораблях такого класса, как «Антаргон».

Брат Эхатештамп тихонько присел на край соседнего кресла и стал смотреть на безбрежный космос, распахнувшийся перед ним в центральном иллюминаторе, не глядя на пилота.

– «Антаргон» является кораблем класса Брег-Зеда системы Ванипрос... Хотя, это вам точно ничего не скажет, это узкоспециализированные термины. Касательно того, что он полувоенный, вы правы, он способен защищаться, но не может нападать, поэтому «Антаргон» и является по сути своей гражданским судном, способным охранять своих пассажиров, не развязывая при этом драк, – Гейс улыбнулся, пытаясь поймать взгляд Эхатештампа.

Брат Эхатештамп на улыбку не отреагировал и на контакт не пошел. Казалось, он целиком и полностью был поглощен

диорамой космических перспектив.

– С какой скоростью он способен двигаться?

– С любой.

– Интересно... – задумчиво произнес брат, по-прежнему игнорируя пилота.

Спустя пару минут он словно очнулся, перевел взгляд, зафиксировал его на переносице Гейса и спросил:

– Когда мы подойдем к первой границе?

– Через восемьдесят пять часов.

– Каких именно часов?

– Ста двадцати минутных, девяноста секундных – стандартных, общепринятых в космическом пространстве часов.

Видимо, этой информации оказалось вполне достаточно для удовлетворения любознательности брата. Он кивнул Гейсу, поднялся из кресла и пошел к выходу. И двигался Эхатештамп бесшумно. Гейс бросил взгляд через плечо, да так и замер. Ни на одной системе сканирования не отображалось наличие второго человека, все системы, включая сенсорное и тепловое обнаружение, фиксировали присутствие только одного пилота. Гейс снова посмотрел в пространство центра управления. Эхатештамп уже скрылся из вида. Не без растерянности окинул взглядом Гейс безупречно белоснежное покрытие пола. Пассажирские корабли класса «Антарактона», как правило, управлялись одним, максимум двумя пилотами. Случись что-то внештатное, и пилоту самому придется справляться со свихнувшимся или впавшим в

агрессивное бешенство пассажиров. Много звучало историй о том, как совершенно нормальные, благополучные граждане, оказавшиеся в замкнутом корабельном пространстве посреди космоса, форменным образом теряли рассудок, ранили или даже убивали своих соседей по каютам, покушались на жизнь пилота, а по окончании путешествия приходили в себя и ничего не помнили. Некоторые, конечно, не приходили, а так и оставались не в себе, но эта деталь мало утешала пострадавших от непредсказуемых действий космических психопатов. Так как именно от пилота зависела судьба и корабля, и пассажиров, его пытались уберечь в первую очередь, и помещение центра управления, где пилот проводил большую часть времени, создали безопасной от пола до потолка. С потолком включительно, на случай, если какому-нибудь особо изобретательному шизоиду захочется подкрасться к пульта управления нетрадиционным путем и неожиданно рухнуть пилоту на голову.

Гейс машинально переключал системы навигации и размышлял над ситуацией. «Корабль где-то не исправен», – попытался он утешить сам себя, но тут же сам себя и огорчил: он-то сам превосходно везде фиксировался и отображался, так что с кораблем всё было в порядке.

– Ладно, – пробормотал Гейс, – сейчас всё посмотрим, всё выясним. Откуда они там следуют? С Оксента? Сейчас, сейчас...

Он включил информационную блок-карту, в поисковую

систему ввел название планеты и запросил информацию о её жителях. Наслаждаться особенностями строения черепов и генетической структурой оксентян у него не было ни малейшего желания, поэтому Гайс задал один только вопрос: имеются ли у жителей Оксента способности к левитации? К полету? К любому другому хитромудрому перемещению в пространстве, без контакта с полом? На все вопросы вышел отрицательный ответ.

– Хорошо, – вздохнул Гейс, – попробуем иначе.

Он вошел в информационные базы «Антаргона» и методично, по порядку задал вопросы о том, какой именно пассажир не может быть обнаружен ни единой системой центра управления? Информационные базы «Антаргона» проанализировали вопросы и выдали ответ: «Мертвый». Гейс несколько озадачился и ввел вопрос-уточнение: «Имеется в виду – искусственный»? На что система незамедлительно ответила: «Имеется в виду – мертвый. «Мертвым» называется биологическое существо, полностью и окончательно утратившее все свои жизненные функции». И следом система выдала строку: «На борту находится мертвое тело? Связаться с ближайшей станцией для выяснения причин смерти и захоронения»? Гейс поспешно ввел: «Нет» и отключился от информационной базы. На душе сделалось совсем грустно. В следующее мгновение система сообщила, что в кабину кто-то вошел и Гейс резко обернулся. Это был Мантий-Мукаделис, но хотя он и отображался по всем корабельным прави-

лам, Гейс уже не мог расслабиться.

– Прошу прощения, что отвлекаю вас от управления прекраснейшим кораблем, – произнес сиятельный отец, – но я хотел бы спросить, не желаете ли покушать с нами?

Гейс не желал, но поинтересовался:

– А где вы собираетесь кушать?

– В нашей каюте, мы заселились в двухместную. Не очень мы приветствуем корабельную пищу, поэтому кое-что взяли с собой из монастыря. Просим вас разделить нашу трапезу.

– Хорошо, с удовольствием, только мне нужна пара минут, чтобы выставить кое-какие режимы, – Гейс сделал вид, что возится с переключателями. – Вы не посидите со мной, пока закончу?

– Да, да, конечно.

Мантий-Мукаделис подошел к пульту управления и присел в соседнее кресло, где недавно сидел брат.

– У вас, должно быть, в монастыре очень интересно? – Гейс не смотрел на священника, усердно симулируя кипучую деятельность.

– Не очень, – ответил Мантий-Мукаделис и замолчал.

– Как так? – немного удивился Гейс. – Совсем не интересно?

– Совсем.

Гейс поднял взгляд, не понимая, шутит отец или нет. Его лицо было серьезно, смотрел священник в обзорный иллюминатор. Почувствовав взгляд пилота, он отвлекся от созер-

дания панорамы за бортом корабля и посмотрел на Гейса:

– Дорогой мой, подумайте сами, что может быть интересного в монастыре?

«Например, брат Эхатештамп!» – подумал Гейс и произнес вслух:

– Но если в монастырь уходят, значит, там есть какой-то интерес?

– Само понятие «монастырь» трудновато рассматривать в контексте «интересно – не интересно». Если вас волнует данная тема, мы можем как-нибудь об этом поговорить.

«Да ни за что на свете!» – ужаснулся Гейс, затем откашлялся и задал следующий вопрос:

– Скажите, а вы с братом Эхатештампом давно вместе работаете... то есть это... служите?

– Восьмой год, а почему вы спрашиваете?

– Да просто так, любопытно, – у Гейса неприятно вспотела спина и захотелось на свежий воздух. – Брат мне показался интересным собеседником, он заходил сюда недавно.

– Буду рад, если вы найдете общие темы для бесед, брат Эхатештамп всесторонне развитый, умный человек.

– А он уроженец Оксента? – с тоскою в голосе произнес Гейс.

– Да, конечно, как и я.

Через минуту Гейс поднялся из-за пульта.

– Все, я закончил, можно идти.

Пока Мантий-Мукаделис выбирался из кресла, Гейс при-

поднял малозаметную округлую панель на пульте, взял крошечный анализатор крови, снабженный тончайшей до невидимости иглой. Анализатор представлял собой плоскую «пуговицу», без труда прилеплявшуюся к ладони. Создан такой нехитрый прибор был специально для того, чтобы можно было незаметно взять кровь на анализ и по изменившемуся цвету «пуговицы» – индикатора определить, к какому типу принадлежит анализируемое существо, а также выявить, больно ли оно.

Войдя вслед за отцом в каюту брата, Гейс бегло оглядел обстановку. Кюота выглядела обычным жилым помещением с двумя кроватями, раздвижным столиком и парой небольших кресел. Свои вещи священники еще не распаковывали. Стоя спиной к вошедшим, Эхатештамп извлекал из большого пакета белые свертки и выкладывал на стол.

– Мир всем сердцам! – нараспев произнес Мантйй-Мукаделис. Он прошел в каюту и уселся на край еще не застеленной бельем кровати. – Искуснейший пилот любезно согласился разделить нашу пищу, возрадуемся его чуткому, теплomu расположению к нам.

– Мир в твое сердце, пилот Гейс, – без особого, впрочем, ликования ответствовал брат Эхатештамп. Он выложил последний сверток и принялся за распаковку.

– Рад разделить с вами пищу, – Гейс подошел к брату и дружески похлопал его по плечу. – Вы очень славные... м-м... сотрапезники.

Присев рядом с Мантий-Мукаделисом, Гейс сжал руку с анализатором в неплотный кулак и заулыбался.

– Достойный брат, – Мантий-Мукаделис расправил разделенную натрое бороду с серебристыми кольцами, – не забыл ли ты взять пищевую книгу? Без нее не стоит отправляться в столь дальнее путешествие.

– Не забыл.

Эхатештамп оторвался от своего занятия, покопался в стоявшей на полу сумке, вытащил объемный фолиант и протянул отцу. Тот взял книгу и любовно погладил отливающий золотистым металлический переплет.

– Это очень нужная и полезная книга, – заметил отец заинтересованный взгляд Гейса.

– Можно глазнуть... то есть взглянуть?

– Разумеется, – старик чинно протянул ему книгу.

На переплете не было никаких надписей. Гейс открыл книгу и на первой же странице увидел подробный перечень разделов. Нужной и полезной книгой оказался сборник кулинарных рецептов для путешествующих по Галактике с комментариями, что можно есть существу гуманоидного типа, а от чего следует воздержаться. А также, как самому приготовить безопасное блюдо из ингредиентов, от которых следует воздержаться. Просмотрев убористый перечень планет, Гейс полистал страницы, наугад открыл и прочитал: «Созвездие Раамтивила, планета Уракон (примечание: на другие планеты созвездия Раамтивила летать не ре-

комендуется). Пищевые ценности скудные, в питании следует быть крайне осмотрительным. Пригодные в пищу растения отсутствуют. Пригодные в пищу фрукты: желтый хоматос (примечание: непременно очистить от кожи и косточек! Прополоскать рот после употребления, принять профилактический препарат!), белая овальная крукулла (примечание: ни в коем случае не употреблять вместе с листвой! При поедании более двух штук немедленно принять профилактический препарат!). Пригодные в пищу овощные культуры отсутствуют. Пригодные в пищу зерновые культуры: рассыпчатый гребук (примечание: употреблять исключительно после термической обработки, тщательно очистив от шелухи. При случайном попадании шелухи в ротовую полость срочно принять профилактический препарат!). Съедобные животные: дикий хвантензюбрь (примечание: хвантензюбрь очень дикий!)

Искусство приготовления дикого хвантензюбря:

1. Если вам удалось встретиться с диким хвантензюбром, немедленно позвоните на помощь.
2. Если вам никто не помог, выкручивайтесь сами.
3. Если вам каким-то образом удалось победить дикого хвантензюбря, немедленно отрубите ему лапу или голову, чтобы иметь возможность продемонстрировать ее всем своим знакомым, иначе никто не поверит, что вы зажарили именно дикого хвантензюбря, а не обычную лысую барлитуху.

4. Разведите огонь.

5. Если у вас не получилось развести огонь, обратитесь за помощью к тому, кто сможет это сделать.

6. Если поблизости никого нет, и никто не может развести для вас огонь, аккуратно разделайте тушу хвантензюбры. Опасайтесь повредить внутренности, иначе разлившаяся синяя желчь сделает мясо не пригодным для употребления!

7. Нарезьте мясо тонкими длинными полосками, отыщите подходящий гладкий камень и разложите на нем мясо так, чтобы на него попадали лучи солнца.

8. Если солнца нет, дождитесь его.

9. Как только мясо проявится и станет приятного ярко-желтого цвета, его можно употреблять в пищу.

10. После насыщения незамедлительно примите усиленную дозу профилактического препарата.

11. Если у вас нет с собою препарата, как можно скорее доберитесь до вашего лагеря, базы или стоянки и срочно примите двойную усиленную дозу профилактического препарата, хотя смысла в его приеме будет уже немного, но вас это, несомненно, успокоит».

Зачитавшись, Гейс не услышал, что к нему обращаются, и отцу пришлось дважды повторять:

– Смиренно просим приступить с нами к кушанью, пилот Гейс.

– Ага, спасибо, – Гейс закрыл книгу и протянул ее отцу. – Итак, что у нас тут вкусенького?

– Наша пища проста, но исключительно полезна.

Мантый-Мукаделис передал Гейсу свернутый в толстую трубочку плотный коричневатый лист какого-то растения, в трубочке просматривались красные и белые кусочки непонятно чего. Приметив замешательство пилота, отец улыбнулся:

– Кушайте безбоязненно, это хорошая, прекрасно усваивающаяся, дающая силы пища.

Гейс украдкой принюхался и откусил немного. На вкус было кисловато и отдавало чем-то горелым.

– Правда, вкусно? – не отставал Мантый-Мукаделис.

– Необычно. А запить чем-нибудь можно?

– Разумеется! Брат Эхатештамп, передай питье.

Методично работающий челюстями брат взял со стола полупрозрачный шар, наполненный густой зеленой жидкостью, привстал и протянул его Гейсу. Пилот взял шар и покрутил его, осматривая со всех сторон.

– Как из него пить?

– Из него не надо пить, его нужно облизывать. Он анализирует состав вашей слюны и создаст для вас именно тот напиток, который вы пожелаете, в полном соответствии с вашими вкусовыми потребностями.

«Надо же!», – удивился Гейс. Облизав шар, он во всю силу воображения попытался представить вкус, запах и крепость своей любимой красной гаргатутовой настойки. И буквально мгновенно возник знакомый сладковато-пряный вкус, шар

словно начал таять, проливаясь в рот отличной гаргатутотовой настойкой! К сожалению, глотки строго дозировались на небольшие порции, как только жажда утолилась, шар прекратил свое действие.

– Здорово, – Гейс поставил шар на стол, – полезная штука.

Мантий-Мукаделис довольно усмехнулся.

– Вы не обидитесь, если я вас оставлю и пойду за пульт?

Не хочу надолго бросать систему без присмотра.

– О, да, разумеется! – воскликнул отец. – Не смеем задерживать!

– Угу, – кивнул беспрерывно жующий брат Эхатештамп, не глядя в сторону Гейса. – До новых встреч.

Держа в руке надкушенный листовой сверток, Гейс направился было к выходу, но притормозил.

– Отец, а можно вашу книжку кулинарную почитать?

– Да, конечно, – Мантий-Мукаделис встал, подошел к Гейсу и протянул книгу. – Приятного прочтения, это очень-очень важная и полезная книга! Но будьте с ней поаккуратнее, это весьма редкое издание.

– Все усилия приложу, – заверил Гейс. Он вышел и закрыл за собой дверь каюты.

Пройдя пару шагов, пилот наконец-то смог посмотреть на показание «пуговицы» – индикатора, прилепленного к ладони. Индикатор был непрозрачно черным, что означало только одно: анализ крови был взят у мертвого тела.

Глава четвертая

Гейс присел в кресло за пультом и в глубочайшей задумчивости уставился в обзорный иллюминатор. Казалось, мысли медленно растекаются в разные стороны. «Надо просто довести их до места назначения, и забыть об этом рейсе, – подумал Гейс, машинально поглаживая металлическую обложку кулинарной книги. – И нет мне никакого дела до того, почему этот брат в какой-то степени мертвый... Нет, как же брат может быть мертвым, если он говорит, двигается и ест? И старикан с ним много лет общается? Ладно, просто доставлю по месту назначения, и всё!.. Так, системы работают исправно, можно почитать книжку и отвлечься... отвлечься от того, что он мертвый... Как же, как он может быть мертвым?..»

Гейс тряхнул головой, раскрыл книгу на первой попавшейся странице и уставился на строчки: «Созвездие Гелиостроп. Планеты, рекомендуемые к посещению: Ваарас, Листама, Сугра. Наиболее рекомендуем к посещению Ваарас. Пищевые ценности Ваараса сходны с Сугрой. Пищевые ценности: растительные культуры: ползучий скобрызник – плетобразные оранжевые побеги легко ломаются, истекая бледно-желтым соком. Можно употреблять в сыром виде, основательно промыв в проточной воде и приняв предварительно

профилактический препарат (примечание: ни в коем случае не приближаться к основному кокону ползучего скобрызника! Это растение – хищник!) Зерновые культуры: пурчатая заплетуха – низко стелящееся растение с тонкой бахромчатой листвой и небольшими гроздьями белых ягод. Употреблять следует исключительно листья, предварительно высушив и тщательно размолот (примечание: годится в качестве приправы). Мясные ресурсы: летающий лупоклюв – продолговатое туловище, покрытое густой шелковистой шерстью бурого цвета, две пары крыльев: зачаточные голые и перепончатые основные, покрытые плотными синеватыми перьями. В пищу годятся задние толчковые ноги (примечание: обязательна термическая обработка! Рекомендуются приправить пупырчатой заплетухой и принять профилактический препарат!)

Сигнал с пульта управления отвлек Гейса, он поднял взгляд и увидел в обзорном иллюминаторе корабли межсистемного патруля. «Корабли патрульно-профилактические...» – подумал Гейс, ничего хорошего не ожидая от этой встречи. Хотя он и являлся обычным пилотом, а не владельцем «Антаргона», и его в любом случае не могли тревожить никакие проблемы и претензии (разумеется, если он собственноручно не прибил, не покалечил кого-нибудь из пассажиров), Гейс все равно испытывал чувства тревоги и дискомфорта от встречи с патрулями. Ему вообще не очень нравилось, когда некто, пускай облаченный небольшой, но

властью, вторгнулся на его территорию (а в данный момент «Антаргон» он считал своей территорией) с какими-то проверками.

Захлопнув книгу, Гейс положил ее на пульт, и на всякий случай настроил систему на внешнюю связь. «Может, и мимо пролетят, может, и не ко мне направляются...» Но корабли направлялись именно к «Антаргону», мало того, как только появилась связь, Гейсу в довольно резкой форме высказали пожелание незамедлительно перевести корабль в режим экстренного торможения. Что пилот с неохотой и сделал.

Вскоре началась обычная нудная процедура, отнимающая массу полезного времени: патрульные корабли выстроились демонстративно-показательным полукругом. Притормозили. Замерли. Красиво повисели столько, сколько позволяли системы. Медленно поплыли вокруг «Антаргона». Гейс с терпеливой тоской ожидал начала следующего этапа: отделения малого патрульного судна от корабля, его неспешного продвижения к «Антаргону» и, наконец, как цветистое завершение парада – долгожданная стыковка. Но на этом праздник по своему обыкновению не кончался. С момента появления десанта на борту радость могла длиться столько, сколько было угодно пострадавшим от безделья и одиночества в бескрайнем пространстве звездным пограничникам. Редко что могло столь сильно огорчить Гейса, как бездарно потраченное время, и еще где – в космосе, и еще когда – при транспортировке пассажиров... особенно священников.

Информационная система запросила подтверждение стыковки с пограничным судном, и Гейс с готовностью подтвердил свое горячее желание незамедлительного соединения. По прошествии некоторого времени, «Антаракон» доложил об успешно завершённой стыковке, и Гейс поспешил спуститься в шлюзовую камеру навстречу дорогим гостям.

Вместо ожидаемой группы из четырех-пяти человек, прибыл всего-навсего один, зато какой... Гейс с первого взгляда подумал, что этот монстр искусственный, и только запрокинув голову и взглянув в живейшие пронизательные глазки, опознал в гиганте натуральный организм. Обменявшись приветствиями, и выяснив, что визитера зовут Берекрероном, они вместе поднялись в кабину управления, где Гейс связался с этажом жилых кают и попросил пассажиров присоединиться к их обществу.

В ожидании пассажиров чудовище со странными треугольными плечами, вздымающимися повыше затылка, густым голосом начало озвучивать свои мысли, вопросы и пожелания:

– Вы единственный пилот, обслуживающий этот корабль?

– Да, его системы позволяют управление одному пилоту.

Высококласному пилоту, разумеется. Можете взглянуть на любую документацию, в том числе, и на мой личностный пакет.

Берекрерон изъявил желание взглянуть, и Гейс незамедлительно предоставил всё необходимое. Ознакомлялся с па-

кетами-документами гигант, облаченный в плотно пригнанную синюю чешую, настолько быстро, что Гейс снова захотелось заподозрить его в искусственности.

– Превосходно, – Берекрерон вернул документы Гейсу. – Не могли бы вы попросить ваших пассажиров поторопиться?

– Конечно, сейчас.

Но, Гейс не успел попросить, пассажиры сами поторопились.

– Радостно вас видеть! – с улыбкой произнес старик, заходя в центр управления. – Я отец Мантий-Мукаделис, а это досточтимый брат Эхатештамп. Мы служители исмаруатского монастыря планеты Оксент, следуем через Антису на Генферу к служителям дружественного нам ливенарукского монастыря.

Слушая Мантий-Мукаделиса, Берекрерон согласно кивал и смотрел куда-то в сторону. Гейс на всякий случай проследил его взгляд и понял, что патруля заинтересовала лежащая на пульте управления книга рецептов. Когда отец закончил представляться и расписывать цель визита на Генферу, Берекрерон снова согласно кивнул и произнес:

– Можно взглянуть?

– На книгу? – на всякий случай уточнил Гейс.

– Да. На книгу. Можно?

– Спросите отца Мантий-Мукаделиса, это его книга.

Не дожидаясь вопроса, отец великодушно разрешил патрулю ознакомиться со сборником кулинарных рецептов. Тя-

жело, взвалочку чешуйчатый монстр подошел к пульту, взял книгу и зачем-то внимательно принялся изучать ее металлическую обложку. А Гейс тем временем принялся лихорадочно соображать, каким же образом привлечь внимание патрульного к странному физическому состоянию брата Эхатештампа. Тот стоял чуть позади Мантий-Мукаделиса, за его левым плечом и немигающим взглядом смотрел на Гейса. «Надо отозвать Берекрерона в сторону под каким-нибудь предлогом, – думал Гейс, – или выпроводить священников отсюда, или...» И тут пилот встретился взглядом с Эхатештампом. Брат медленно поднял ладонь так, чтобы ее мог видеть только Гейс, его указательный палец вытянулся, практически мгновенно превращаясь в тонкое лезвие, которое он многозначительно поднес к шее Мантий-Мукаделиса. Испытав неприятное ощущение, словно его кто-то сильно толкнул в спину, Гейс бросил взгляд на Берекрерона, он стоял вполоборота и продолжал изучать обложку.

– Это что, селенит? – наконец изрек Берекрерон, постучав пальцем по металлу.

И Гейс ощутил повторный толчок в спину. Селенит являлся безумно дорогим, запрещенным к вывозу металлом, потому как при транспортировке по космосу он мог повести себя абсолютно непредсказуемо, вплоть до полного искажения силовых полей корабля и как следствие – неминуемой катастрофе... А уж какие грандиозные санкции применялись в отношении компаний и пилотов, рискнувших заняться неза-

конной транспортировкой селенита, и говорить не стоило.

– Ну что вы, какой же это селенит, – ответил Мантий-Мукаделис. Брат Эхатештамп по-прежнему стоял чуть позади за его левым плечом, но руки его теперь были спокойно сложены на груди. Если бы не тяжелый взгляд, прикованный к Гейсу, пилот мог бы поклясться, что палец-лезвие ему привиделся. – Это обычный поделочный металл, имеющий цветное сходство с селенитом. Вы сомневаетесь?

Берекрерон крутил в руках книгу и сомневался.

– Это книга кулинарных рецептов, – пожелал развеять его сомнения Мантий-Мукаделис. – И я дал ее почитать нашему пилоту. Будь обложка селениновой, разве я поступил бы так? Разве допустил, чтобы она попала на глаза посторонним?

Патрульный подумал, полистал страницы, просмотрел парочку рецептов, затем закрыл книгу и положил обратно на пульт.

– В конце концов, – сказал Берекрерон, обращаясь ко всей троице, – если вы все-таки надумали перевозить селенит, то все проблемы, последующие за этой акцией, будут сугубо вашими проблемами. И все равно селенит обнаружат при обязательном досмотре корабля и грузов при приземлении на Генферу. Если вам, конечно, повезет туда долететь.

На этой ободряющей ноте он распрощался и покинул борт «Антаргона».

Глава пятая

Руки Гейса слегка подрагивали, когда он снимал системы корабля с торможения и восстанавливал заданный курс, горло пересохло до резкого кашля, а в голове не сверкало ни единой разумной мысли.

– Добрый Гейс, – неожиданно раздалось за спиной.

– А?! – взвинченный парень едва не подпрыгнул к потолку.

Оказалось, в кабину управления зачем-то вернулся Мантий-Мукаделис. Он тихонько подошел к пульту и положил невесомую ладонь на плечо пилота.

– Что случилось, хороший человек? – внимательный взгляд священника скользнул по бледному перекошенному лицу Гейса. – Нечто дурное происходит с нашим прекрасным кораблем?

Гейс попытался найти слюну, чтобы промочить горло, но слюна пересохла окончательно и бесповоротно.

– Присядь, хороший человек, – легкая рука священника вдруг сделалась настолько твердой и тяжелой, что Гейс почти упал в кресло. – И расскажи, что происходит?

Гейсу захотелось прохрипеть всё, как на духу, но перед глазами возник палец-лезвие брата Эхатештампа, направленный в шею отца Мантий-Мукаделиса, и Гейс отрицатель-

но замотал головой, мол, все в порядке, все прекрасно...

– Пойми, мой добрый Гейс, – склонившись, отец взял его руки в свои ладони, – порою стоит отворить запечатанные уста. Ведь ты не знаешь, на какой путь может вывести всех нас твое молчание. Промочи горло, Гейс, и расскажи.

Гейс добросовестно набрал слюны из каких-то ранее скрытых запасов гортани, и проскрипел тихонечко:

– Скажите, вы действительно давно знаете брата Эхате-штампа?

– Давно, – похоже, удивился Мантий-Мукаделис. – А почему снова возник такой вопрос?

– С ним что-то не так, – Гейс умоляюще заглянул в глаза отца, словно надеялся, что он все поймет без объяснений. – Вы замечали, что с ним что-то не в порядке?

– Что? – приподнял брови Мантий-Мукаделис. – Что с ним не в порядке?

– Он мертвый! – выдохнул Гейс. И, словно извиняясь, добавил: – Вы раньше этого не замечали?

– Как это – мертвый? – опешил сиятельный отец.

– Не знаю, вам видней, раз вы с ним давно знакомы. Я провел скрытый анализ – тело брата мертво. Не хотите спросить его по старой дружбе, как такое может быть? А то я столь сильно разнервничался, что толком горло промочить не в состоянии.

Мантий-Мукаделис присел в соседнее кресло и погрузился в задумчивость. Гейс выжидающе смотрел на него до тех

пор, пока в проеме не показался упомянутый брат Эхатештамп. И тут горло Гейса чудесным образом само собою неожиданно увлажнилось, а терпение лопнуло от страха.

– Стой там, брат Эхатштамп! – воскликнул он. – Ни с места! Не шевелись!

Пару раз еще шагнув по инерции, брат остановился на пороге кабины.

– Что-то случилось с тобой, дорогой брат? – Мантий-Мукаделис поднялся с кресла и пошел ему на встречу. – Откройся нам и мы попробуем изменить твой мир.

– Не подходите к нему! – крикнул Гейс. – Не надо!

Но отец продолжал двигаться к брату со своими мировыми идеями. На этот раз все его пальцы обратились в лезвия в мгновение ока. Эхатештамп схватил старика за плечо и направил острия на седую голову.

– Что происходит, дорогой мой? – спокойно проговорил Мантий-Мукаделис, покосившись на лезвия. – Разве ты не знаешь, что на борт пассажирского корабля нельзя проносить оружие? Даже такое безобидное, как твое.

– Тихо! – отрывисто выкрикнул Эхатештамп. – Тихо всем! Значит, так...

«Хоть бы шаг сделал вперед, – думал Гейс, наблюдая за ситуацией, – только бы вошел в кабину, сразу же сработают системы ликвидации нападения...» К сожалению, системой безопасности «Антаргона» предусматривалось устранение буйных пассажиров только на пространстве кабины управ-

ления, будто нигде больше на всей огромной территории корабля, в принципе, не могла произойти критическая ситуация. И вот теперь Гейс стоял в пяти шагах от пульта и не мог дотянуться до индикатора тревоги, чтобы его активировать, а угроза в виде брата находилась в нескольких шагах от кабины, и чувствовала себя хозяином положения.

– ... значит так! Я всего-навсего хотел долететь до Оксента! Я никому не делал ничего плохого! Просто хотел добратся! И я никому ничего не сделаю, если мы просто продолжим путь! Ты! Сядь за пульт!

«Спасибо!», – обрадовался Гейс и поспешно уселся в боковое кресло, откуда без проблем можно было дотянуться до тайного оружейного отсека.

– А что будет, если я не соглашусь везти непонятно кого на Оксент? Да еще и под угрозами? Я ведь расстроен, нервничаю, следовательно, не могу должным образом управлять кораблем, что может привести к аварии, даже к катастрофе, – Гейсу пришлось слегка скособочиться и сунуть руку за спину. Сделав вид, что почесывается, он нащупал заветную выпуклость на внутренней панели пульта.

– Тогда я убью старика! – фальцетом выкрикнул Эхатештамп, и Гейс понял, как сильно он нервничает.

– Да, пожалуйста, – беспечно улыбнулся пилот, извлекая из тайника плоский серый прямоугольник чуть длиннее ладони, – мне не жалко, старик уже достаточно пожил. Но где гарантия, что после этого ты заставишь меня вести «Антара-

гон»? Больше тебе нечем и некем будет угрожать, меня убить ты не сможешь, ведь некому будет управлять кораблем, а сам ты не умеешь.

Эхатештамп задумался, на секунду отвел взгляд от Гейса, и тот выбросил вперед руку с плоским серым прямоугольником. От резкого жеста прицельный парализатор дальнего действия включился сам собой. Казалось, не из серого прямоугольника, а прямо из пальцев Гейса вылетела очередь светящихся точек, прошла насквозь брата Эхатештамп, и тот неподвижно замер. Мантий-Мукаделис снова покосился на пальцы-лезвия у самого своего лица, тихонечко отстранился и шагнул в кабину. Гейс заблокировал парализатор, чтобы тот не дал случайного разряда, и убрал его обратно в отсек под пультом.

– Парализованность не повредит здоровью брата Эхатештамп? – Мантий-Мукаделис присел рядом с Гейсом, разглядывая застывшую фигуру.

Пилот почесал переносицу и посмотрел на старика долгим внимательным взглядом.

– Этот человек собирался потыкать вам в шею вон теми острыми железками, вы это понимаете? Возможно, он даже собирался вас убить, и вы до сих пор считаете, что это брат Эхатештамп и беспокоитесь о его здоровье? Это кто угодно, только не ваш коллега по монастырю.

– Кто бы это ни был, он же не останется так стоять до самого Оксента? – Мантий-Мукаделис поправил деленную на

трое бороду, ощупывая скрепляющие пряди выпуклые кольца.

– Нет, конечно, такая скульптура в интерьере не предусматривается. Надо придумать, как его обезвредить, а потом я нейтрализую паралич. Для начала не мешает разобраться, как у него из пальцев выдвигаются эти острые штуки.

Гейс встал с кресла и направился к Эхатештампу. Разглядывая его руку, пилот заметил, что кожа вокруг оснований лезвий надорвана. Аккуратно взявшись за лезвие на указательном пальце, Гейс потянул его вверх, оно вдруг подалось и без особого труда вышло наружу.

– Что там такое? – заинтересовался Мантий-Мукаделис.

– Идите, поглядите сами.

Гейс взялся за лезвие на большом пальце и потянул. И тут произошло нечто странное. Палец пошел трещинами, треснула ладонь, рука, стремительно стало разваливаться все тело. Гейс оттолкнул подальше от этого безобразия Мантий-Мукаделиса, и бросился к пульту за парализатором.

– Гейс, скорее сюда! – воскликнул отец. – Сюда!

– Бегу! – Гейс достал парализатор и поспешил обратно. – Не очень то мне хочется смотреть, если честно... Ой, фу! Кто это?

Куски развалившегося тела, словно сырые гипсовые обломки, упали на пол, несмотря на сдерживающую силу парализатора. И среди них остался неподвижно стоять какой-то невысокий худощавый голый молодой человек, с ног до го-

ловы покрытый клейкой белой слизью. К пальцам его рук были прикреплены лезвия, соединенные хитросплетенными нитями, по всей видимости, обеспечивающие их зловещие выдвигание. Мантий-Мукаделис осмотрел фигуру со всех сторон и пришел к выводу, что раньше никогда не видел этого парня.

– Какие будут предложения? – Гейс озадаченно разглядывал обнаженную фигуру, предварительно убрав с его рук лезвия.

– Его надо привести в чувство и расспросить, узнать, кто он такой и что стряслось с братом Эхатештампом.

– Думаю, с братом Эхатештампом стряслось непоправимое, – Гейс посмотрел на пол. – Если я приведу его в чувства, где гарантия, что он не бросится на нас?

– Он гол и безоружен, да и его комплекция не выглядит воинственной. Мы без труда с ним справимся.

– Особенно вы, – снисходительно усмехнулся пилот. – Ладно, не век же созерцать сию мерзкую картину.

Гейс резко сдвинул корпус парализатора, и аппарат дважды выдал короткие белёсые очереди. Вокруг фигуры неизвестного возникло плотное сероватое облако, и он тяжело опустился на пол. Вскоре незнакомец очнулся, приподнялся, сел и со стоном сдвинул руками голову.

– Итак, начнем знакомиться сначала, – во избежание разнообразных сюрпризов Гейс держал наготове парализатор. – Ты кто такой будешь? Как зовут?

– Нело, – нехотя ответил незнакомец. Он пытался стереть с лица слез, но только размазывал ее.

Мантый-Мукаделис поднял рубашку брата Эхатештампа и протянул Нело. Тот мрачно поблагодарил, вытер лицо, и Гейс с отцом получили возможность рассмотреть молодого человека. Узкое смуглое лицо с карими глазами, ровным носом, острым подбородком и тонкогубым ртом. Определить цвет его коротко стриженных волос было невозможно из-за покрывающей их слези.

– Ты что ж такое творишь, Нело? – Гейс переложил парализатор в другую руку. – Вон чего с братом Эхатештампом сделал, потом на дедушку напал...

– Ничего я с этим братом не делал! – зло огрызнулся Нело. – Когда я на него наткнулся, он уже помер!

– Как помер?! – всплеснул руками Мантый-Мукаделис. – Ах, бедный, бедный брат! Все-таки довела его легочная болезнь, не смог он исцелиться! И где же ты его нашел, Нело?

– В лесочке, недалеко от забора вашего монастыря, – Нело поднялся на ноги и принялся обтираться дальше.

– А зачем ты устроил такое... такое... вот, – Гейс указал парализатором на то, что осталось от брата. – Как ты вообще умудрился такое с телом сотворить?

– Это не тело! То есть, оно ненастоящее, это искусственный слепок! Я что, больной – таскать на себе чей-то труп?!

– Мы пока еще не знаем, больной ты или здоровый. А в чем смысл подобной маскировки? Ты не мог просто так

уехать на Оксент?

– Не мог! – снова огрызнулся Нело. – Слушайте, отстаньте от меня! Мне нужно вымыться, эта штука подсыхает и сильно щиплет кожу!

– Глядите-ка! – хмыкнул Гейс. – Он хочет, чтобы мы от него отстали!

– Ему и впрямь следует вымыться, – сжалился Мантий-Мукаделис. – А потом Нело всё поведаёт в подробностях. Правда, Нело?

– Поведаю, – сердито буркнул он. Развернувшись, парень пошел прочь из кабины, то и дело поскользываясь на белой субстанции.

– Шли бы вы присмотреть за ним, – обратился Гейс к Мантий-Мукаделису, – а я организую уборку, а то вниз страшно посмотреть.

– Пожалуй, это верное решение, – кивнул старик.

Отец поспешил за Нело. Гейс проводил его взглядом, вздохнул и пошел к пульту вызывать механических уборщиков.

Глава шестая

Пол кабины управления сверкал чистотой, когда вернулись Мантий-Мукаделис с отмытым и переодетым Нело. Наконец-то появилась возможность увидеть его волосы: жесткие, мелко вьющиеся черные пряди, зачесанные назад, открывали упрямый выпуклый лоб, чуть оттопыренные уши довершали новоявленную картину. Выглядел Нело сумрачно, священник же казался порядочно взволнованным.

– Он ничего вам плохого не сделал? – на всякий случай спросил Гейс.

– Нет, что ты! – всплеснул руками Мантий-Мукаделис. – Напротив, брат... э-э-э э... Нело поведал мне историю, ужасающую своей несправедливостью!

– Представляю себе, – по-доброму улыбнулся Гейс, усаживаясь в кресло пилота. – Можно, я не буду слушать эту историю?

– Нет, нет, ты обязательно должен это выслушать! Нело родом с планеты Даарис...

В голове пилота тихо щелкнуло, левый глаз сам собой внимательно прищурился.

– Погодите, как вы сказали? Нело с Даариса? А как, Нело, звучит твое имя полностью?

Убрав руки за спину, лже-брат Эхатештамп стоял в центре

кабины, сердито разглядывая куполообразный потолок.

– Его имя – Нелуро, – сказал священник.

– Точно! – Гейс хлопнул ладонью по колену. – Нелуро с Даариса! Странно, что я сразу тебя не узнал, наверное, потому, что никак не ожидал увидеть на борту своего звездолета!

– Откуда же ты знаешь брата... э-э-э-э... Нелуро?

– Видите ли, отец, всем транспортным узлам и компаниям рассылаются сводки об элементах, находящихся в межсистемном или межпланетном розыске. Таким образом, существенно снижается вероятность миграции преступных личностей с планеты на планету. В последних пяти сводках Нелуро с Даариса стабильно шел первым пунктом. За твою поимку, Нелуро с Даариса, такое чудесное вознаграждение полагается, что я очень, очень рад нашей встрече. Я прямо-таки счастлив!

Гейс развернулся к пульту и коснулся сенсорной панели внешней связи.

– Что делать собираешься, Гейс? – непонятно почему разволновался Мантий-Мукаделис, спешно подходя к пульту.

– Собираюсь вступить в крепкую продолжительную связь с ближайшей базой и сообщить о том, что Нелуро с Даариса почтил нас своим присутствием. Нет, ну какой все же сегодня прекрасный выдался день, – Гейс бросил взгляд в обзорный иллюминатор на бездонную космическую тьму. – Или ночь. – Еще один взгляд на временную панель. – Нет, все-таки день. Да, не часто так везет, не всякому удача улыбает-

ся...

– Погоди, – священник положил ладонь на плечо Гейса, и он опять невольно отметил, какая у старика тяжелая рука, – ты совершишь огромную ошибку!

– Послушайте, – терпеливо ответил Гейс, не убирая пальцев от панели, – я, разумеется, понимаю все эти ваши гуманные тезисы, извините, что не знаю всех подробностей, но приблизительное представление имею. Так вот, если вы сейчас скажете, что мы должны предоставить преступнику уютный кров, питательную еду и всяческую заботу, то вот что я об этом думаю...

– Выслушай! Просто выслушай, прошу тебя! – Мантий-Мукаделис склонился, заглядывая в лицо пилота. – А дальше поступай, как велит тебе сердце!

– Мое сердце велит связаться с ближайшей базой или базовым кораблем. Я ваши стремления изо всех сил тут уважаю, будьте любезны хоть раз уважить и мои.

– Брось, отец, – глухим, ровным голосом произнес Нело, – ничего ты от него не добьешься. Знаю я этих пилотов, такие же, как их корабли, а с железкой не договоришься.

– Кстати, забыл сказать: так как я единственная законная власть на территории лайнера, то в моих полномочиях изолировать вас обоих в каюте вплоть до прибытия на Генфери! – отрезал Гейс.

Нело молча развернулся и вышел из кабины, а Мантий-Мукаделис присел за пульт в соседнее кресло. Тяжело

вздыхнув, он посмотрел на отражение лица пилота в прозрачной панели иллюминатора.

– Насколько страстно ты мечтаешь навсегда покинуть Антису? – произнес Мантий-Мукаделис после продолжительной паузы.

– Довольно неожиданный вопрос, – Гейс постукивал пальцами по панели, не касаясь активизационных сенсоров и не включая ее. – Хотелось бы узнать, почему вы его задали.

– Нело обвинили в преступлении, которого он не совершал.

– Кто бы сомневался. Я уверен, что все преступные элементы, упомянутые в сводках, исключительно невинные, честные личности.

– Он говорит правду, мне он не солжет.

– Нело пробрался в ваш монастырь, он выдавал себя за брата Эхатештампа и уже столько раз вам солгал, что дальше некуда. Отец, обеденное время, шли бы вы покушать, а то я не имею права в присутствии посторонних набирать коды доступа к связи.

– Нело не всегда вёл достойный образ жизни, – казалось, Мантий-Мукаделис не обратил внимания на его слова, – но зачастую юноша лишь становился заложником обстоятельств, не по своей воле совершая скверные деяния.

– И вот только он решил раскаяться и встать на честный светлый путь, – согласно закивал Гейс, – как вдруг произошло страшное: путь оказался слишком скользким, юноша

упал и сильно расшибся. И пока он лежал весь в печальных слезах, к нему подбежали злодеи и заставили снова быть собой и совершать противоправные поступки.

– Нело обвинили в убийстве высочайшего Игунга Павлия планеты Анэль и похищении Сверкающего Салимантра.

– Простите меня, отец, но я и вправду не хочу знать, что такое Игунг и что там, где сверкает. На борту опасный преступник, и я обязан связаться с базой. Так почему вы спрашивали о моем желании покинуть Антису?

– Хотел узнать, насколько оно сильно.

– Не улавливаю связи. Если честно, все хотят уехать с Антисы, но очень мало кому такое счастье выпадает.

Движения «Антаргона», стремительно прорывающегося сквозь звездные бездны, почти не ощущалось на борту. Казалось, далекие звезды, размытые туманности, крошечные искры кораблей и станций стоят на месте неподвижно, но стоило пару раз моргнуть, как в иллюминаторе уже совсем иные туманности, звезды и искры других кораблей.

– Порою бывает так – спасая человека, помогая спасти его судьбу, спасаешь мир, судьбу целой вселенной, – словно издали донесся голос Мантий-Мукаделиса. – И разве можно знать наверняка, кто больше сейчас нуждается в помощи – Нело или же ты сам. Живет на Паттисфере величайший из расследователей преступлений планетарных масштабов. Несомненно, он смог бы отыскать истинных виновников злодеяния и спасти жизнь, приговоренного к немедленному

уничтожению Нело.

– Не совсем понимаю, как вы себе представляете смену курса? Я лично этого вообразить не в силах.

– Такому прекрасному пилоту должны быть известны месторасположения поисковых систем, а также то, как вывести их из строя, чтобы на Антисе уверились, будто «Антаргон» потерпел крушение.

– Еще слово, и я решу, что вы тоже беглый преступник, – усмехнулся Гейс. – Вы хоть понимаете, к чему меня подталкиваете?

– Скоро наш корабль подойдет к очередной пограничной зоне, где Нело мгновенно распознают, – Мантий-Мукаделис бросил взгляд в иллюминатор. – И путь к Генфере мы продолжим вдвоем, мой добрый пилот Гейс. В общем-то, и вправду настало время принятия пищи, после постараюсь поспать.

С этими словами Мантий-Мукаделис поднялся с кресла и вышел из кабины управления.

Гейс потер лоб, потом виски, помассировал запястья, затем коснулся сенсорной панели и набрал код. На темно-синем поле возникли серебристые символы, обозначающие режим ожидания, что означало: корабль проходит зону, не прошитую информационными потоками. И ближайший связе-поток ожидался гораздо позже, чем хотелось бы. Подперев ладонью подбородок, пилот смотрел на отражение своего лица в иллюминаторной глади, затем провел пальцем по округ-

лой синей выпуклости на пульте. Освещение в кабине погасло, обшивка стала прозрачной. Создавалось впечатление, что цветное наполнение исчезло со стен, растворилось прямо в космосе.

Глубоко вздохнув, Гейс встал с кресла и принялся мерить шагами кабину, затем сел на пол, уткнувшись подбородком в колени. Лучше всего он успокаивался и собирался с мыслями в моменты иллюзорного присутствия в космическом пространстве без корабля. Глядя на щедро расцвеченные звездными огнями дали, Гейс рассматривал дождливые пейзажи Антисы. При одном только воспоминании о транспортной компании «Вельсевера», об Эри-Риве, о днях, бредущих уныло мимо жизни, его пронзила тонкая холодная тоска. Длинной гладкой иглой она вошла прямо в сердце, и Гейсу, должно быть, впервые в жизни захотелось заплакать от безысходности. Даже не заплакать – зарыдать, упав ничком, возможно, даже постучаться лбом о пол.

Вскоре над сенсорной панелью возник легкий световой значок, сообщавший о входе в связеопоток. Глядя, как вращается в воздухе ромбовидный символ, Гейс задержал дыхание и не дышал, сколько хватило сил. Легкий световой значок стал насыщенного зеленого цвета, что означало доступность внешней связи. Гейс шумно выдохнул, встал с пола и побрел к пульту. Он смотрел на яркий символ, вращающийся вокруг своей оси до тех пор, пока глаза не защипало, затем поднес руку к сенсорной панели.

Мантий-Мукаделис сидел в своей каюте на краешке кровати и смотрел в пол, когда открылась дверь, и на пороге возник Гейс.

– Известны точные координаты вашего расследователя на Паттисфере? – пробормотал он, глядя поверх головы священника.

– О, да! – воскликнул старик, и лицо его просияло.

– Похоже, я только что загубил свою жизнь... И стоит заметить, не без вашего прямого участия.

– Ты принял верное решение в одном и заблуждаешься в другом! Подожди меня здесь, я поспешу за Нело!

С тяжелым сердцем Гейс присел на гладкий кругляк кресла у раздвижного столика, а отец торопливо покинул каюту. Судя по его лицу, священник был так счастлив, словно Гейс принял решение спасти не какого-то несчастного преступника, а его самого.

Глава седьмая

Несмотря на все попытки Мантий-Мукаделиса, Нелуро крайне неохотно повествовал о себе: он вздыхал и мямлил, мычал, гудел, смотрел по сторонам, в потолок, в пол, но ничего толком не говорил.

– Ладно, – не выдержал Гейс, – давайте ближе к сути. Что произошло на планете Анэль? Кого убили, что похитили и почему в этом обвинили именно тебя?

– Произошли убийство и кража, – нехотя ответил Нело.

– Ну и?

– Что?

– Подробнее можешь рассказать? Мы вроде помогать тебе собрались! Конечно, я не испытываю особого энтузиазма на этот счет, потому что больше хочу спасти себя, правильно, отец? Что же касается твоей сомнительной судьбы...

– Высочайший Игунг Павлисий был якобы действующим правителем Анэль, – поспешно перебил Нело, видя, что пилот начал закипать. – На самом деле всем известно, что планетой управляет Директорат, а династия Игунгов стоит у власти просто так, для вида. Династия долго правила, но когда население Анэль разрослось, увеличилось до теперешних масштабов, а законы и порядки Игунгов безнадежно устарели, стало понятно, что с управлением они не справ-

ляются. И был учрежден Директорат. Официально они являются советниками Правящего Дома Игунгов, но на самом деле управляют Анэль от их имени. Игунгов это устраивает: они находятся на полном обеспечении, дают большие торжества, практически ничего не делают и от них давно ничего не зависит.

– Как красиво, – вздохнул Гейс, – мечта, а не жизнь.

– Высочайший Игунг Павлисий был самым старым из ныне живущей династии, – продолжал Нело. – Когда он появлялся на людях, одного взгляда хватало, чтобы понять – старик мало что соображает и вряд ли понимает, что вокруг происходит. Кому понадобилось его убивать, если он сам вот-вот отправится в космическую бездну, не понимаю.

– А что такое Сверкающий Салимантр? – поинтересовался Гейс.

– Одна из трех главных реликвий Правящего Дома, – Нело вытянул ноги, стараясь получше устроиться на неудобном выдвижном треугольнике дополнительного сидения. – Это какая-то раковина давно исчезнувшего водяного гада в пышной оправе: металлы дорогие, камни разноцветные, ну и все такое прочее. За что ракушке такая честь выпала, я не в курсе, с этой штукой у династии Игунгов своя история связана. Одно могу сказать, мне такая громко известная вещь даром не нужна, ведь ее с Анэль не вывезешь, даже если разберешь оправу, а саму ракушку выбросишь. Каждый камень в оправе, каждый завиток известны всем и каждому, да и цен-

ность у Салимантра больше мифическая, чем реальная. Вывези его на другую планету, там никому дела до него не будет, ничего особо и не выручишь. И вот зачем, зачем, спрашивается, мне устраивать пару настолько бесполезных преступлений, как убийство полуживого старика и похищение усердно охраняемой, но никому, кроме анельцев, ненужной ракушки?

– А что ты вообще делал на этой планете? Ты же вроде с Даариса?

– Ну и что с того? – Нело исподлобья поглядел на пилота. – Где родился, там и умри? Ты ведь тоже не с Антисы родом, а с какой-то другой кучи космического мусора. Чем я занимался на Анэль... Есть там одно растение под названием «куам-кума». Из его плодов, семян и листьев делают три различных съедобных пряности. Сами анэльцы их в еду не суют, очень уж отвратно воняют эти пряности, а вот на ближайших к Анэль планетах они стоят безобразно дорого и очень ценятся, дороже многих камней и металлов. Да и растет «куам-кума» только на Анэль, щедро растет, анэльцы ее выращивают, обрабатывают и продают. Но помимо крупных компаний, занимающихся «куам-кумой», есть еще и незарегистрированные общества, работающие на себя и осуществляющие поставки пряностей в обход Директората. На эти общества работают разведотряды. Они выискивают оранжереи, отслеживают охрану и подают сигналы к сбору. Бывает так, что некоторые разведотряды, отыскав оранжерею, не

оповещают общество о находке, а собирают урожай сами и перепродают его. Я возглавлял один из таких разведотрядов, и мы время от времени...

– Общипывали дорогую вонючую травку себе в карманы? – усмехнулся Гейс. – Героическое дело!

– За это могли и обезглавить, чтоб ты знал! – огрызнулся Нело. – Так что дело было достаточно героическим!

– Но как же тебя привлекли к совершенным злодеяниям? – спросил Мантий-Мукаделис.

– Не знаю, – Нело встал с сидения и принялся ходить по каюте. – У нас была хорошо отлажена система оповещения в случае опасности, она и на этот раз сработала как надо. Я возвращался с прогулки, когда мне сообщили, что в моем жилище воины Директората. Надо было узнать, что им от меня понадобилось, поэтому я пошел подземной тропой к жилищу и через слуховую панель пола послушал разговоры. Тогда и узнал, кого я убил и что украл, оказывается, в моем жилище даже обнаружили ткань, в которую оборачивали Сверкающий Салимантр. В общем, я быстро понял, что на Анэль мне не имеет смысла оставаться. Не успел подняться страшный вой из-за произошедшего, как наше сообщество переправило меня грузовым транспортом на Оксент. Больше они ничего не могли для меня сделать, дальше предстояло выкручиваться самому. Единственным способом спастись было все время куда-нибудь бежать – и чем дальше, тем лучше. Возможно, рано или поздно, у меня получилось бы пере-

браться в другую Галактику, куда не распространяются наши поисковые санкции, но пока что не вышло. Такая история.

– А почему именно ты? – почти одновременно произнесли Гейс и Мантий-Мукаделис.

– Не знаю, – Нело присел на кровать рядом с отцом и опустил плечи. – Не понимаю, почему выбрали меня.

– А чем ты занимался до того, как попал на Анэль? – поинтересовался Гейс.

– Ничем! – сердито отрезал Нело. – Ничем таким ужасным, из-за чего меня можно обвинить в убийстве старика и краже ракушки!

– Но это же не просто старик, а самый главный старик на планете, – Гейсу хотелось между делом отомстить за место своего рождения, названного Нело «кучей космического мусора». – И не просто ракушка, а самая знаменитая ракушка! И если это произошло, значит, имелся смысл! Тебе, может, это все и не нужно, но тот, кому понадобилось, мог попросить тебя о дорогостоящем одолжении!

– Что-что? – карие глаза Нелуро недобро прищурились и потемнели. – Ты что, железкин управитель, поимел в виду?

– Тише, прошу вас, тише, – отец примиряюще поднял ладони. – Мы все понимаем, что Нелуро стал жертвой чудовищной несправедливости и это не подлежит сомнениям. Теперь нам следует поскорее достичь Паттисферы и разыскать величайшего расследователя самых чудовищных планетарных преступлений! Он непременно вернет Нелуро его

доброе имя!

– А разве оно есть, это доброе имя? – Гейс смотрел прямо в глаза Нело. – Что возвращать?

– Я согласен ответить за незаконный сбор «куам-кумы», – неожиданно миролюбиво ответил Нело, – но пропадать за глупое убийство и нелепую кражу я не собираюсь. И если вы мне поможете, считайте, что моя жизнь принадлежит вам, я буду вечно вам обязан.

– Больно надо! – фыркнул Гейс. – Что я буду делать с такой жизнью!

– Глубоко признателен, Нелуро, за эти слова, – склонил голову Мантий-Мукаделис, – но мой поступок продиктован лишь желанием не допустить несправедливости, могущей повлечь за собой вереницу печальных событий. А жизнь твоя, мой дорогой, принадлежит только тебе и Великой Вселенной, более никому!

– Должен же я был сказать что-нибудь благодарственное, – пожал плечами Нело. – Спасибо, что отказались, а то и не знаю, как бы забирал свои слова обратно. Итак, имя у следователя имеется?

– Его зовут Чемерон-Зенезеба! Неужели вы не слышали о нем?

– Я – нет, – признался Гейс.

– И я не слышал.

– Странно, ведь он величайший из величайших!

– А чем мы собираемся расплачиваться с Зенезебой за его

величайшие труды? – Нело искоса посмотрел на священника. – Я ничего не успел прихватить с Анэль, у вас вроде тоже особых богатств не наблюдается.

– Чемерон-Зенезеба востребует справедливости бескорыстно! Разве может идти речь о вознаграждении, если дело касается всепланетарной важности? Никакие средства нам не понадобятся в этом вопросе!

– Если честно, я очень в этом сомневаюсь, – сказал Нело, – но вам, наверное, виднее.

– Ладно, все ясно, я пошел, – Гейс встал с белого кругляка.

– Куда?

– Изображать на приборах и поисково-определяющих системах страшное кораблекрушение, постигшее нас. Мантий-Мукаделис, можно вас спросить?

– Слушаю тебя, мой дорогой Гейс.

– В случае крайне неудачного спасения мною меня же самого, я могу иметь надежду запрятаться в вашем монастыре и не вылезать оттуда, пока всё не утихнет?

– О, да, мой дорогой Гейс, ты, разумеется, можешь иметь эту надежду!

– Я рад, – сказал Гейс и направился к выходу. – Прямо сразу легче задышалось.

Бортовые времямеры сообщили о наступлении утра, когда Гейс смог, наконец-то, осуществить «катастрофу» «Ан-таракона» по всем параметрам. Глаза слезились от плотности световых символов, наполнивших пространство над пультом

управления – Гейс снова работал в темноте, когда все постороннее исчезало, оставался только пульт и летящие вокруг звезды, так ему легче думалось. Когда Гейсу удалось растворить последний символ, он не упал от усталости с кресла только благодаря поддерживающей спинке. И будто почувствовав, что процесс завершен, в кабину заглянули Мантий-Мукаделис и Нело.

– Как дела твои, прекраснейший пилот?

– Дела мои прекрасней некуда, – вяло пробормотал Гейс. – Только что «Антаргон» вошел в непрогнозируемый метеоритный дождь, возникли повреждения обшивки и пробойны, не совместимые с жизнеобеспечением корабля. И мы все умерли.

Гейс уткнулся лбом в пульт и закрыл глаза. Из-под воспаленных век текли и текли, не переставая, слезы.

– Не оплакивай своего решения, – Мантий-Мукаделис присел рядом. – Порою воображаемая смерть необходима для начала настоящей жизни.

– Ничего я не оплакиваю, – Гейс приподнялся и закапал в глаза успокаивающий раствор. – Ядовитый свет символов опасности, да еще в таком количестве, любые глаза разъест. Сейчас пройдет. Вам известны координатные данные вашего Зенезебы на Паттисфере?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.